

главном символе плодородия. Важно, что фольклорный образ возникает в речи местного жителя, твердо верящего в традиции своего народа.

Следовательно, в произведении «Горбач» Р.Э. Циммерман использует фольклор народов Сибири для того, чтобы составить наиболее полное и колоритное описание места, где разворачиваются события в рассказе. Упоминание мифического существа в данном контексте играет роль своеобразного тропа, усиливающего этнические мотивы внутри рассказа.

Таким образом, можно констатировать, что писатель Р.Э. Циммерман в цикле своих сибирских рассказов часто обращается к фольклору народов Сибири. Писатель прекрасно ориентируется в структуре сибирских легенд, умело работает с мотивами и символами северного фольклора, понимает, что вера в сверхъестественные силы и шаманизм – неотъемлемая черта сибирского народа. В своих рассказах Р.Э. Циммерман использует не только реальные фольклорные элементы, но и на их основе создает свои авторские легенды, а также переосмысляет, изменяет значение уже существующих символов. Это делается для того, чтобы создать наиболее достоверные образы персонажей, передать подлинный дух сибирской жизни, а также для того, чтобы усилить этнические мотивы внутри текста.

Литература

1. Дувакин Е. Н. Шаманские легенды народов Сибири: сюжетно-мотивный состав и ареальное распределение: дис. ... канд. фил. наук. 10.01.09. М., 2011. 482 с.
2. Коломакина Б. А. Мотив превращения в сибирских сказаниях: структура, классификация / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 34–44.
3. Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2004. (Исследования по фольклору и мифологии Востока. Семиотика фольклора). 304 с.
4. Циммерман Р. Э. (Гвоздев Р.). Рассказы. СПб.: типография Монтвида, 1903. 156 с.

Е.Н. Тузова

Самарский университет, Самара, Россия

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ХИРУРГИЯ» И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В НЕМОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНО

Аннотация. В статье делается попытка понять, какие нарративные стратегии рассказа А.П. Чехова «Хирургия» позволили ему стать самым популярным в раннем отечественном кинематографе (его экранизировали 6 раз с 1901 по 1914 г.). Простая пространственно-временная организация рассказа, объективное повествование, сосредоточенность на действиях и деталях

делали его доступным материалом для статичной кинокамеры раннего российского кинематографа. Читателем «Хирургии» мог быть как недалекий человек, желающий повеселиться, так и думающий глубокий ценитель серьезной литературы. Публика кинематографа тоже была самой разнообразной, но в большей степени в кино ходили развлечься, поэтому именно анекдотическая фабула делала это произведение таким востребованным для раннего отечественного кинематографа.

Ключевые слова: А.П. Чехов, рассказ «Хирургия», нарратив, объективное повествование, немое отечественное кино, экранизация.

Рассказ А.П. Чехова «Хирургия» пользовался большой популярностью в немом отечественном кино. С 1901 по 1914 г. на его основе было создано 6 экранизаций [1].

Первый фильм был снят кинорежиссером П. Чардынцевым в 1909 году, всего через 5 лет с момента смерти писателя. Можно сказать, что это был взгляд современников на творчество А.П. Чехова, как спектакли МХТ в свое время. В 1911–1912 годах фильмы по рассказу «Хирургия» снимают одновременно в нескольких местах, 4 раза используя кинодекламацию. Картина 1914 года представляет собой перенесение на экран спектакля Московского Художественного театра с выдающимися актерами. Для Михаила Чехова это была одна из первых ролей в кино.

Но новое искусство делало только первые робкие шаги, еще не былработан инструментарий перевода с литературного языка на кинематографический, поэтому для кино было особенно важно чеховское творчество, на материале которого можно было развиваться.

Именно нарративные стратегии, использованные А.П. Чеховым в данном рассказе, и то, как писатель строил свой диалог с читателем, на наш взгляд, повлияло на его популярность в кино.

Рассказ «Хирургия» относится к раннему творчеству писателя, он увидел свет в 1884 г. в журнале «Осколки» и вошел в 1886 г. в сборник «Пестрые рассказы». В его поэтике присутствуют черты массовой литературы. Это сценка с анекдотической фабулой, понятная всем смешная история о том, как дьячок Вонмигласов приходит лечить зуб, а фельдшер Курятин пытается его вырвать. Сценка похожа на стоп-кадр, мгновенную зарисовку с натуры.

При написании рассказа Чехов использовал, по одной версии, свои наблюдения в Чикинской земской больнице, а по другой, этот сюжет связан с шуточными сценками, которые он устраивал с братом Александром еще в Таганроге. Наблюдательность автора, умение обычный случай довести до уровня всеобщей узнаваемости, выхваченные прямо из жизни характеры давали богатый материал для актеров, возможность сыграть ярко характерную роль.

Пространственно-временная организация рассказа достаточно проста: действие происходит в одном месте в один день. Сообщение о месте и

обстоятельствах действия лаконично и похоже на ремарку в пьесе: *«Земская больница»* [4, с. 41]. Это идеальное пространство для статичной камеры немого кинематографа.

Нарратор в рассказе ведет объективное повествование без комментариев, не дает никаких оценок и как будто выстраивает маленький спектакль. Для него важно, чтобы читатель ясно и точно представил героев, поэтому он играет роль отстраненного наблюдателя, похожего на статично установленную кинокамеру. Все внимание сосредоточено на действиях и репликах героев. *«За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин, толстый человек лет сорока, в поношенной чечунчовой жакетке и в истрепанных триковых брюках. На лице выражение чувства долга и приятности. Между указательным и средним пальцами левой руки – сигара, распространяющая зловоние»* [4, с. 41]. Повествователь сразу сообщает, почему нет доктора, и ярко и лаконично описывает героя, его замещающего, как персонажа в пьесе. Не комментарии и оценки, а несоответствие между видом героя и его действием создает для читателя комический эффект.

Следующий герой, дьячок Вонмигласов, показан тоже комически – через яркую деталь внешности, а также действие: *«Правый глаз с бельмом и полузакрыт, на носу бородавка, похожая издали на большую муху. Секунду дьячок ищет глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутылку с карболовым раствором»* [4, с. 41].

Такое безоценочное повествование, сосредоточенное на ярких деталях и действиях, которые можно легко показать, было большой находкой для юного кинематографа.

Специфика чеховской нарративной структуры в том, что фокализация в ней не статична. В рассказе имплицитная нарративная позиция. Повествователь наблюдает и объективно описывает персонажей. И только в нескольких репликах мы можем заметить его собственное присутствие. Соглашаясь вырвать зуб, дьяк нахваливает фельдшера, а тот отвечает: *«Пустяки – скромничает фельдшер, подходя к шкапу и роясь в инструментах»* [4, с. 43]. Слово «скромничает» – это своеобразный индекс, указывающий на нарратора, констатирующего действия героев. Он не комикует специально, сохраняя серьезность и невозмутимость, и добивается того, чтобы мы рассмеялись.

В ключевом моменте рассказа, когда зуб обламывается, следует описание состояния дьяка. *«Восьмигласов сидит минуту неподвижно, словно без чувств. Он ошеломлен... Глаза его тупо глядят в пространство, на бледном лице пот»* [4, с. 44]. Чехов периодически прибегает к объективному повествованию и настраивает читателя не на бездумно-хохмаческое, а на сочувственное восприятие рассказа.

Фабула рассказа может быть обозначена как врачебная неудача. В принципе при использовании такой фабулы речь могла идти о причинах этой

неудачи (но здесь они известны заранее, и повествователь к ним больше не возвращается), о злом умысле, о роковом невезении и т.д. Главное событие в том, как в результате этой врачебной неудачи стремительно меняется оценка ситуации в глазах обоих участников. Она превращается из торжественно-праздничной в низменно-грубую.

В начале рассказа дьячок говорит: *«С воскресным днем вас, Сергей Кузьмич... К вашей милости...»* [4, с. 41]. *«Благодетели вы наши... Нам, дуракам, и невдомек, а вас господь просветил...»* [4, с. 42].

Он выражает большие надежды на то, что нашел своего спасителя, что его страдания прекратятся и высшее добро восторжествует с врачебной и с божьей помощью.

Фельдшер – человек светский, для него важно подтвердить свой статус, профессионализм и веру в успех. Упоминание о том, что среди его пациентов есть значительные лица, по его мнению, должно повысить его авторитет в глазах больного. *«Намедни тоже, вот как и вы, приезжает в больницу помещик Александр Иванович Египетский... Также с зубом... Человек образованный, обо всем расспрашивает, во всё входит, как и что. Руку пожимает, по имени и отчеству... В Петербурге семь лет жил, всех профессоров перенюхал... Долго мы с ним тут... Христом-богом молит: вырвите вы мне его, Сергей Кузьмич! Отчего же не вырвать? Вырвать можно. Только тут понимать надо, без понятия нельзя... Зубы разные бывают. Один рвешь щипцами, другой козьей ножкой, третий ключом... Кому как»* [4, с. 42]. Кроме этого, удачное предприятие в прошлом поднимает уверенность у самого фельдшера перед будущей операцией.

После неудачи история кардинально меняется и заканчивается следующими репликами.

«Паршивый чёрт... – выговаривает он (дьячок). – Насажали вас здесь, иродов, на нашу погибель!» [4, с. 43].

Фельдшер отвечает репликой, в которой явно желание унижить пациента: *«А ты что за пава такая? Ништо тебе, не околеешь!»* [4, с. 43].

В результате этого происшествия из добропорядочных людей, один из которых служит богу, а другой общественному благу, герои превращаются в двух жалких персонажей, не уважающих друг друга. У каждого из них ментально улетучивается благое доброжелательное настроение. В них обнаруживается худшая сторона их натуры, и самое лучшее в считанные секунды становится самым худшим.

Адресат в данном рассказе двулик. С одной стороны, это простодушный человек, готовый посмеяться над чужой неудачей. С другой – похожий на повествователя исследователь человеческой природы. Сам повествователь ведет себя как исследователь. Он не даёт оценок, все подмечает, буквально воспроизводит все слова и действия, как документалист. Его наблюдения должны быть интересны тем, кто интересуется, что такое человеческая жизнь, человек – это доброе или злое существо. Вся эта история дает богатый материал

для ответов на этот вопрос. А человек – это существо многоликое, которое мгновенно может превращаться из злого в доброе и наоборот.

Характеристика нарратива позволяет сделать вывод, что он предназначен для самой разнообразной публики – как для людей, желающих просто повеселиться, так и для думающих и рефлекслирующих реципиентов.

Литература любого времени предназначена «обслуживать определенные литературные и нелитературные потребности» [3, с. 56]. То же можно сказать и о кино. Кинематограф постепенно превращался из балаганного аттракциона в новую сферу культурного отдыха и досуга. Его посещала разнообразная публика. Серафимович писал в то время: «Загляните в зрительную залу, вас поразит состав публики: здесь все – студенты и жандармы, писатели и проститутки, офицеры и курсистки, всякого рода интеллигенты в очках, с бородкой, и рабочие, приказчики, торговцы, дамы света, модистки, чиновники, словом, – в с е...» [2].

Кино, конечно, в первое время своего существования ставило себе задачи увеселительные, и поэтому приоритетным в рассказе было использование анекдотической фабулы, а более глубокие смыслы оставались не востребуемыми. Так или иначе, общая структура рассказа А.П. Чехова «Хирургия» и весь нарратив так и просятся на экран.

Литература

1. Вишневский В. Художественные фильмы дореволюционной России. М.: Госкиноиздат, 1945.

2. Лебедев Н. А. Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918-1934 годы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/kino/2.htm> (дата обращения: 26.06.2022).

3. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: 1979.

4. Чехов А. П. Хирургия: (Рассказ) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1982. Т. 2. [Рассказы. Юморески], 1883–1884. М.: Наука, 1975.